

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 212

**А.Н. КОЖАНОВСКИЙ
М.К. ЛЮБАРТ**

**ФРАЦИЯ И ИСПАНИЯ:
ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА
НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.**

Москва
2009

ББК Т3(4)
УДК 325.14 (44+460)

Серия:
Исследования по прикладной и неотложной этнологии
(издается с 1990 г.)

Редколлегия:
академик РАН В.А. Тишков (отв. ред.),
к.и.н. Н.А. Лопуленко,
д.и.н. М.Ю. Мартынова.

Материалы серии отражают точку зрения авторов
и могут не совпадать с позицией редакционной группы.
При использовании ссылка на материалы обязательна.

К-58 Кожановский А.Н., Любарт М.К.
Франция и Испания: Иммиграционная политика на рубеже XX–XXI вв.
/ Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — М., ИЭА РАН, 2009.
— Вып. 212. — 36 с.

В докладе авторы рассматривают ситуацию, сложившуюся в результате массовой «трудовой» иммиграции во Францию и Испанию в конце XX – начале XXI вв., и те способы, которыми правительства этих стран пытаются решить возникающие проблемы.

ISBN 978-54211-0001-0

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
грант № 08-01-00206а*

ISBN 978-54211-0001-0

© ИЭА РАН – 2009 г.
© А.Н. Кожановский – 2009 г.
© М.К. Любарт – 2009 г.

А.Н. Кожановский, М.К. Любарт

Франция и Испания: Иммиграционная политика на рубеже XX–XXI вв.

Resume

In the report the authors investigate the results of mass «labour» immigration to France and Spain at the end of XX and the beginning of XXI centuries as well as the recipes by which governments of those states try to solve the emerging problems.

При осмыслении различных ситуаций и проблем, связанных с массовой миграцией извне на территорию нашей страны в постсоветский период и особенно в последние годы, очень полезным кажется обращение к опыту других государств, столкнувшихся с тем же явлением либо одновременно с нами, либо в недавнем или даже более отдалённом прошлом.

Весьма подходящими объектами для такого обращения выглядят две западно-европейские страны – Франция и Испания. Первая из них имеет продолжительную историю иммиграции, вторая – гораздо более короткую, зато концентрированную, т.е. характеризующуюся стремительностью протекания и массовостью участников, без щадящего, как в первом случае, – для людей, институтов и традиций постепенного привыкания.

В отечественной печати, по радио и телевидению, с различного рода трибун, из уст как экспертов, так и неспециалистов (ведь данная тема живо интересует очень многих) постоянно звучит критика по адресу российских властей, местных и федеральных, в связи с их политикой в сфере иммиграции вообще и в отношении иммигрантов – в частности. Список претензий, в зависимости от конкретных ситуаций, может включать обвинения в том, что администрация уклоняется от принятия необходимых мер или же опаздывает с ними, сплошь и рядом оказывается застигнутой врасплох теми нежелательными событиями, появление которых можно было бы предвидеть, постоянно находится не на высоте положения, где-то проявляет неоправданную жестокость по отношению к иммигрантам, а где-то, наоборот, попустительствуют нездоровым проявлениям их активности, и т. д., и

т. п. Нередко при этом подразумевается или же прямо говорится, что «такое» (то есть те или иные нелепости и безобразия) «возможно только у нас!» Однако справедливость привычной уверенности в том, что в других местах с аналогичными проблемами справляются лучше, должна быть подтверждена или опровергнута на конкретном материале.

Кроме того, представляется, что вопросы и претензии относительно готовности и способности адекватно реагировать на проблемы, поставленные массовой «трудовой» иммиграцией, уместно обращать не только к властным структурам, но и к обществу в целом. Поэтому отношение коренного населения стран, где оседают приезжие, к присутствию «чужаков» также заслуживает самого пристального внимания.

Феномен иммиграции весьма объемён, многообразен и динамичен, но в данном случае авторы сочли целесообразным, используя имеющиеся в их распоряжении материалы, сделать акцент на тех его аспектах, которые обозначились как наиболее значимые, актуальные и болезненные прежде всего в контексте отечественных реалий, – насколько об этом можно судить, в частности, по выступлениям участников состоявшейся в конце февраля 2008 г. в Институте этнологии и антропологии РАН конференции «Традиционные ценности пришлых этнических групп (как старожилов, так и недавних мигрантов) в мультикультурном пространстве мегаполиса». Именно желанием авторов учесть в представленном ими ниже тексте ход обсуждения на упомянутой конференции соответственно французской и испанской иммиграционной проблематики продиктованы существенные различия между собой (по содержанию и композиции) двух «страноведческих» частей нашей работы.

Франция

«Корпус» иммигрантов во Франции – один из самых значительных в Европе, хотя по официальной статистике их здесь около 5,6 % населения страны, что меньше, чем, например, в Австрии (где иностранцев – 10,8 %) или Германии (10,5 %)¹. С 1999 г. по 2004 г. общее количество приезжих, обосновавшихся во Франции, увеличилось на 18 % и к середине 2004 г. составило 4,9 млн. чел.; за эти годы сюда въехало 960 тыс. чел.² Однако цифры и термины требуют пояснений. Согласно существующему во Франции официальному определению, «иммигрант» (*immigré*) – это «человек, родившийся за границей от родителей-нефранцузов и прибывший во Францию с целью обосноваться на французской территории. Иммигрант может в течение своего пребывания во Франции получить фран-

цузское гражданство (*nationalité française*)»³. Став гражданином, он считается французом и учитывается статистикой уже только в этом качестве. Соответственно, учёт тех, кто является детьми «бывших иммигрантов», значительно затруднён. Употребляемое в российском научном дискурсе, а также в разговорном и даже публицистическом языке во Франции выражение «иммигрант второго поколения» с точки зрения властей этой страны выглядит nonsensом, т. к. термин «иммигрант» относится только к тому, кто рождён за границей. Судьбы и статус детей иммигрантов, родившихся на территории Франции, тесно связаны со статусом (легальным или нелегальным) и судьбой их родителей. Согласно закону (№ 98–170 от 1998 г.) дети, родившиеся во Франции от родителей-иностранцев, могут запрашивать французское гражданство с 13 лет с авторизацией своих родителей и с 16 лет – без таковой.

Число иммигрантов, ставших гражданами, и их потомков в стране довольно значительно. Несмотря на официальное отнесение их к французам, в обществе сохраняется представление о «коренных» и «пришлых» гражданах страны, тем более что последние, особенно из числа неевропейцев, зачастую сохраняют многие культурно-религиозные отличия. В среднем их экономический, социальный и образовательный статус более низок, чем у «коренных» французов⁴. Безработица среди легально находящихся во Франции иностранцев, выходцев из стран, не входящих в Евросоюз, составляет 22 % (при средней безработице в стране – 9,1 %) ⁵. 20 % иностранцев живут в тех самых, печально известных своими неблагоприятными условиями обитания, пригородах больших городов, которые даже власти порою сравнивают с гетто⁶. В ряде французских городов, особенно крупных, продолжают существовать кварталы, населённые мигрантами и «лицами иммигрантского происхождения», которые служат консервации социально-культурных отношений, характерных для стран их исхода.

Специалисты считают, что в реальности иммигранты составляют 8–10 % населения Франции, а если к ним добавить тех, кто имеет хотя бы одного родителя или одного из бабушек и дедушек иностранца, то общее число лиц с нефранцузскими корнями возрастает до 23 %⁷. По мнению министра иммиграции, предки по меньшей мере 20 % французов имеют африканское происхождение⁸.

В настоящее время каждый пятый иностранец, живущий во Франции, приехал сюда из одной из стран ЕС; в большинстве это – испанцы и итальянцы, хотя в последние годы увеличился приток и из других стран Объединённой Европы (прежде всего – из Великобритании и Португалии). Ощутимо возросло число выходцев из Восточной Европы: только за пятилетие 1999–2004 гг. – на 37 %. За

этот же период на 220 тыс. (или более чем на 17 %) выросла община уроженцев Магриба, составившая 1,5 млн. чел. Иммигранты из остальных частей мира насчитывали к середине 2004 г. 1,4 млн. чел., т. е. 29 % всех иммигрантов во Франции. Из них 48 % – выходцы из Азии (самая крупная группа здесь – турки), из Африки южнее Сахары – 40 %, или около 570 тыс. чел. Большинство последних прибывают из бывших французских владений, и эта категория мигрантов растёт очень динамично⁹. Кроме того, во Францию едут южноамериканцы, увеличивается китайская община (особенно за счёт студенческой молодёжи).

Приведённые цифры не отражают нелегальной иммиграции. К тому же Франция как член ЕС открыта для тех, кто изначально въехал в какую-либо другую страну этого объединения, а затем вознамерился перебраться сюда.

Присутствие столь значительного числа иммигрантов и их потомков, при том, что множество уроженцев стран, не входящих в ЕС, по-прежнему стремятся въехать во Францию, ставит перед ней непростые задачи. Хотя по экономическим и демографическим причинам Франция не может обойтись без иммигрантов, она не в состоянии принять большинство желающих. К тому же «качество» миграции с точки зрения образования, профессии, стремления к труду во многом не отвечает экономическим потребностям страны. Серьёзная социокультурная проблема – низкая интегрированность многих иммигрантов, порождающая дискриминацию по отношению к ним и негативную ответную реакцию. Очень непроста ситуация со «вторым поколением» – детьми и внуками бывших иммигрантов, в особенности арабского происхождения (т. н. «бёрами»). Часть из них (сравнительно небольшая) успешно интегрировалась, восприняв ценности светского европейского общества; другие находятся в поиске «собственной идентичности», раздваиваясь между традициями и нравами старших родственников, многие из которых продолжают поддерживать связи с родиной, и престижностью благоустроенной французской жизни. Немалая часть молодёжи вольно или невольно сохраняет традиции общества исхода.

Трудности интеграции иммигрантов всё больше беспокоят французское государство, в основе которого лежат ценности республиканской демократии, в т. ч. идея единой гомогенной нации, в которой нет места этническим (расовым, конфессиональным и др.) различиям. Считается, что «связи, которые соединяют людей в демократическом обществе, являются прежде всего юридическими и политическими», они основаны на равенстве прав всех граждан¹⁰. На протяжении нескольких последних десятилетий был предпринят ряд попыток законодательно урегулировать ситуацию в данном вопросе.

Первый закон о статусе иммигрантов (*Code de la nationalité*), увидевший свет в 1889 г., существенно ограничивал их права в сравнении с французскими гражданами. В годы Первой мировой войны Франция приветствовала въезд, мигрантов из Северной Африки, Индокитая и Китая (для последующей их службы в армии). Вплоть до 1917 г. иностранцу, желавшему обосноваться во Франции, было достаточно подать заявление в одну из местных мэрий. Введение в 1917 г. вида на жительство (*carte de séjour*) было связано с небывалым ростом миграции и её разнообразием (в страну активно въезжали поляки, чехи, словаки, русские, армяне, немцы, итальянцы, испанцы).

В послевоенные годы власти поощряли также иммиграцию, надеясь с помощью приезжих пополнить оскудевшие трудовые ресурсы. К примеру, один из декретов гласил, что алжирские рабочие, занятые на французских промышленных предприятиях, «не являются иностранцами»¹¹. Однако с конца 1920-х гг., в условиях Великой депрессии, была принята серия законодательных актов, ограничивающих въезд иммигрантов в страну, дискриминирующих их в сфере занятости, учреждающих контроль за ними и разрешающих их экстрадицию. В 1930-е гг. тенденция дискриминации иностранцев, большинство из которых были рабочими, усилилась. Они находились в большой зависимости от властей, бюрократия разных уровней осуществляла разные виды контроля за приезжими.

Демократическое законодательство второй половины 1940-х гг. на какое-то время смягчило ситуацию с иммигрантами. И с этого времени можно говорить не об отдельных мерах, но об иммиграционной политике, хотя вплоть до 1974 г. законодательство по сути регулировало иммиграцию *a posteriori*, упорядочивая статус уже въехавших в страну.

Однако новые волны многочисленных беженцев, переселенцев и «трудовых» мигрантов, хлынувшие в страну из бывших французских владений в результате развернувшейся с 1950-х гг. деколонизации, стали причиной роста неприязни к приезжим, прежде всего – к арабам. Кульминация напряжённости, отмеченная нападениями на магрибцев, погромами принадлежавших им кафе и магазинов и т. д., пришлась на 1969–1973 гг. Обеспокоенные власти приняли меры к ограничению иммиграции. Законы 1974 г. положили начало *политике контроля* за миграционными потоками и поощрению иммигрантов к добровольному возвращению на родину. Одновременно администрация стала уделять всё больше внимания улучшению положения легальных иммигрантов.

Массовое присутствие иммигрантов в стране, вступление в жизнь их второго и третьего поколений, при том, что все эти люди не обнаруживали намерения

покидать Францию, выявили необходимость государственной политики интеграции. Долгое время по поводу её содержания в обществе шла острая полемика, из материалов которой видно, что зачастую у спорящих не было чёткого представления о предмете, а термины «интеграция», «ассимиляция» и др. нередко употреблялись как синонимы. Власти склонялись к тому, чтобы «допустить повсеместную интеграцию тех иностранных рабочих, которые сами этого желают», одновременно предоставляя возможность «поддержания социально-культурных связей с родиной»¹², т. е. сохранения своих этнокультурных особенностей тем, кто не собирався оставаться во Франции.

Представление о «французской модели интеграции» окончательно сложилось к началу 1990-х гг., когда тогдашний премьер-министр М. Рокар заявил о «долге интегрироваться» для тех, кто стал гражданином Франции. С этой целью были созданы Министерство социальной деятельности и интеграции, Национальный совет по интеграции иммигрантов и т. д. Параллельно был принят ряд законов, смысл которых состоял в ужесточении условий получения гражданства.

* * *

Одной из важнейших проблем для Франции многие годы оставалась *нелегальная иммиграция*. В 1997 г. правительство, под нажимом общественности, единовременно узаконило пребывание в стране 80 тыс. нелегалов. Этот эксперимент спровоцировал новую волну нелегального въезда, что обернулось огромными расходами государства, обострением проблем с жильём, нехваткой рабочих мест и пр.; в четыре раза увеличилось количество заявлений о предоставлении политического убежища¹³.

К концу XX – началу XXI в. стало ясно, что меры по интеграции иммигрантов, а также лиц, получивших гражданство, в особенности мусульман, не привели к желаемым результатам. О серьёзном неблагополучии в этой сфере свидетельствовали акты нетерпимости со стороны коренных французов, экстремизма – со стороны иммигрантов и их потомков, и особенно – массовые волнения и эксцессы, выплеснувшиеся на улицы больших городов осенью 2005 г. По словам одного из высших должностных лиц, «французская система интеграции глобально не удалась»¹⁴.

Здесь необходимо отметить важную особенность ситуации, состоящую в том, что доминирующий идеологический вектор и соображения «политкорректности» требуют считать проблемы иммигрантской по происхождению части общества сугубо социальными. В общественном и даже научном дискурсе стремились

вообще избегать употребления слова «иммиграция». Как отмечается в недавних программных документах Министерства иммиграции, «вот уже двадцать лет как произносить слово “иммиграция” стало во Франции проявлением экстремизма, ксенофобии, т. е. “расизма”». Однако, как считает Б. Ортефё? один из видных французских политиков, «проблема была не в самой иммиграции, но в отсутствии иммиграционной политики»¹⁵.

Итак, начался поиск иных, чем прежде, подходов к разрешению наболевших вопросов, наметились очертания *нового этапа* иммиграционной политики. Особое беспокойство властей вызывала ситуация с французскими мусульманами, и в частности – влияние на них из-за рубежа; приходилось учитывать и усиление в стране антиисламских настроений и фобий в связи с терактами в парижском метро в 1995 г. (осуществленных алжирскими экстремистами) и терактом 11 сентября 2001 г. в США. В 2002 г. крупнейшие исламские организации страны образовали единый Французский совет мусульманского культа, призванный представлять всех мусульман страны на официальном уровне. Правительство рассматривало таким образом взять под контроль все местные исламские организации – в т. ч. и радикального толка. С этой же целью был поднят вопрос о государственном финансировании мечетей, что позволило бы запретить получение ими денежных средств извне и тем самым устранить возможность воздействия на прихожан потенциально разрушительных сил. Н. Саркози, наиболее активный из инициаторов и проводников новой иммиграционной политики, неоднократно заявлял, что мусульманское движение во Франции может развиваться только при условии безоговорочного уважения французских законов и полного отказа от экстремизма.

Тогда же в стране развернулась известная дискуссия о приемлемости ношения (особенно в учебных заведениях) одного из самых заметных мусульманских символов – платков-хиджабов. Многие преподаватели и общественные деятели высказывались против этой практики. Общественное мнение разделилось. Решение властей (апрель 2003 г.) о том, что на документах, удостоверяющих личность, должна быть наклеена фотография без головного убора, было негативно воспринято многими мусульманами, увидевшими в этом ущемление своих прав. Однако руководители Франции в возникшей ситуации заняли твёрдую позицию, отстаивая как внутри страны, так и вне её, принцип светскости (*laïcité*) в качестве основополагающего. Согласно ему государство не даёт никаких привилегий ни одной из религиозных конфессий, но и не позволяет навязывать кому-либо или же обществу в целом ту или иную религиозную идентичность. Их

аргументы оказались столь убедительны, что ведущие духовные лидеры исламского мира согласились с ними и призвали верующих мусульман Франции соблюдать принцип светскости и отказаться от ношения хиджабов в учебных заведениях¹⁶.

В то же время первые лица государства постоянно указывали, что неуклонно следуют курсу на включение граждан мусульманского вероисповедания во французское общество. Демонстрация интереса к исламской культуре, к делам и заботам приверженцев ислама сочеталась с жёсткой позицией в отношении виновных в нападениях на мусульман, осквернении их кладбищ и т. д. В феврале 2003 г. был принят закон, ужесточивший наказания за преступления, имеющие расистский, антисемитский и ксенофобский характер. Тогда же был обнародован комплекс мер, призванных снять напряжённость в учебных заведениях, где совместно обучались дети «коренных французов» и выходцев из Африки.

Специально созданная в июле 2003 г. правительственная Комиссия по проведению в жизнь принципа светскости во Французской республике (Commision de reflexion sur l'application du principe de laïcité dans la republique) во главе с Бернаром Стази, которая уже в декабре того же года сформулировала основополагающие принципы взаимоотношений религии и государства, предложила целый ряд мер, необходимых для ликвидации практики общественной дискриминации (имелись в виду прежде всего мусульмане), в т. ч.: уничтожение кварталов, имеющих характер гетто, и возведение для иммигрантов новых современных построек; обеспечение доступа их детей в государственные школы и открытие мусульманских религиозных школ в Эльзасе и Лотарингии; обеспечение возможности изучать во французских школах такие языки, как берберский, курдский и др.; введение в школьные программы более полного изучения истории Франции, включая темы колонизации, рабства, деколонизации и иммиграции; допущение мусульманских служителей культа в армию и тюрьмы; усиление борьбы против дискриминации и т. д.

В выступлениях высших лиц страны подчёркивалось «единство всех французов, независимо от их происхождения и убеждений», подтверждалось уважение к «культурному многообразию французского народа»; об иммигрантах говорилось как о людях, «которые каждым поколением вливались в национальное сообщество и для которых Франция, сначала ставшая идеалом, затем становилась родиной». Одной из важных проблем, заботящей общественное мнение и власти, является защита прав женщин, их подлинного равноправия с мужчинами. В одной из программных речей Жак Ширак, будучи президентом страны, где

существуют традиции высокого статуса женщин в общественной жизни, заявил, что это станет одним из тех направлений борьбы, которые формируют облик завтрашней Франции, напомнив: «Степень цивилизованности общества измеряется прежде всего той ролью, которую играют в нём женщины»¹⁷.

По инициативе Ширака был разработан также «Кодекс светскости», который включает в себя соответствующие принципы и правила поведения государственных служащих и вручается им в день вступления в должность. Был создан также Наблюдательный комитет по вопросам светскости при премьер-министре, который должен реагировать на любую угрозу отклонения от этого принципа.

Среди мер, способствующих взаимопониманию и спокойствию в обществе, было предложено широкое изучение в школе содержания различных религиозных учений. В 2003 г. главный мусульманский праздник Аид-эль-Кебир был объявлен выходным днём для школьников наряду с христианскими праздниками, такими как Рождество и Пасха и иудаистским Киппуром.

Со своей стороны, реагируя на обеспокоенность французов усилением радикальных настроений в местной арабской общине, активизировали свою деятельность те её представители, кто видел будущее своих собратьев в интеграции во французское общество. В мае 2003 г. ряд деятелей экономики и культуры из числа мусульман создали организацию Светская конвенция за равенство прав и участие в общественной жизни мусульман Франции, а следом за ней появился близкий ей по духу Французский совет светских мусульман, цели и задачи которых видны из их названий.

Имеющая уже некоторую историю общественно-политическая дискуссия о роли и месте иммигрантов неевропейского происхождения в жизни французского общества сконцентрировалась в последние годы на проблеме наделения их политическими правами, борьбе против различных проявлений дискриминации в быту, в общественных местах, при приёме на работу и т. д. С 2002 г. в стране активно обсуждался проект, согласно которому с каждым новым иммигрантом должен быть подписан «контракт приёма» (*contrat d'accueil*) сроком на 3–4 года; по истечении этого срока и при отсутствии претензий со стороны властей предусмотрено подписание следующего документа – т. н. «контракта укоренения» (*contrat d'enracinement*), срок действия которого первоначально определялся в 15 лет и который предполагает предоставление мигранту некоторых политических прав, в т. ч. избирательного, и облегчение процедуры принятия гражданства. В итоге этот проект в откорректированном виде (механизмы интеграционной программы были упрощены, а сроки сокращены) лёг в основу приня-

того в июле 2006 г. закона о «Контракте приёма и интеграции», подписание которого стало обязательным для всех потенциальных иммигрантов с 2007 г.

Одним из первых дел Н. Саркози на посту президента страны стало создание в 2007 г. Министерства по делам иммиграции, интеграции, национальной идентичности и совместного развития (Ministère de l'immigration, de l'intégration, de l'identité nationale et du codéveloppement) (в дальнейшем для краткости – Министерство иммиграции). Необходимость существования единого органа, который бы в комплексе занимался проблемами иммиграции, ощущалась давно. Так, ещё в 2002 г. был образован Высший совет по интеграции (Haut Conseil à l'intégration), деятельность которого состояла в мониторинге и анализе ситуации с иммиграцией в стране, но не в проведении реальной политики. В июле 2004 г. с целью углубления и совершенствования работы Совета при нём был создан Статистический центр по наблюдению за иммиграцией и интеграцией (Observatoire statistique de l'immigration et de l'intégration) – орган, представляющий статистику по следующим направлениям: въездные визы и пребывание иностранцев во Франции; приём беженцев; отъезд иностранцев; принятие французского гражданства.

Что же касается многочисленных практических вопросов, связанных с иммиграцией, то они были «распылены» между разными министерствами и ведомствами, такими как МВД, МИД, Министерство труда и занятости и пр. С образованием нового Министерства иммиграции все вопросы, относящиеся к иммиграционно-интеграционной тематике, были отданы в его ведение.

В основу деятельности вновь созданного министерства легла идея, что Франции нужна продуманная, справедливая и сбалансированная иммиграционная политика. Приём иммигрантов будет продолжен – ведь по демографическим и экономическим причинам страна не может без них обойтись, – но он больше не будет бесконтрольным: отныне *иммиграция должна быть избирательной (immigration choisie)*. Перед новым министерством были поставлены три основные задачи.

Первая из них состоит в решительной *борьбе против нелегальной иммиграции*. Собственно, уже за период 2002–2006 гг. число высланных на родину нелегальных мигрантов увеличилось на 140 %. С принятием новой иммиграционной политики этот процесс усилился. За первые пять месяцев 2008 г., по сравнению с тем же периодом предыдущего года, количество вернувшихся на родину увеличилось на 80 %, а принудительно возвращенных – на 20 %¹⁸.

Резко активизировалась борьба против преступности, эксплуатирующей нелегальных мигрантов. За один год функционирования нового министерства было

арестовано 3939 пособников тайной миграции, 1429 перевозчиков, доставлявших нелегалов в страну, и 775 вербовщиков; были пресечены 22 403 попытки незаконного проникновения на территорию Франции. В 2008 г. цифры по всем перечисленным категориям ещё более возросли¹⁹ и было заявлено, что приток нелегалов сократился.

Франция организует сотрудничество со странами, откуда направляются миграционные потоки на её территорию. С некоторыми из них уже заключены соглашения, которые включают три обязательных пункта: о регулировании легальной миграции, о борьбе против нелегальной иммиграции, о разработке совместных проектов развития. Особое внимание здесь уделяется «африканскому направлению», важность которого подтверждена целым рядом встреч и конференций начиная с 2006 г. (в Рабате, Мадриде, Париже), где министры сразу нескольких десятков европейских и африканских стран совместно обговаривают способы борьбы с нелегальной иммиграцией.

Переход к *выборочной миграции* означает ограничение контингента «трудо-вых» мигрантов лицами, профессии и количество которых необходимы французской экономике. В этой связи здесь разработаны два «списка профессий», один из которых предназначен для приёма выходцев из стран, недавно вступивших в ЕС, а другой – для граждан остального мира. В перечне из многих десятков наименований есть профессии, предполагающие разные уровни квалификации: мойщики специальных витрин, рабочие-реставраторы, лесорубы, чертёжники, домработницы, страховщики, ответственные за эксплуатацию техники, матросы на рыболовецких судах, работники лесного хозяйства, паяльщики, советники в сфере банковских кредитов и пр. Значительные потребности в иностранной рабочей силе испытывает и туристическо-гостиничный бизнес, что неудивительно для страны, принимающей в год около 75 млн. туристов. Здесь есть вакансии для 40 тыс. чел. (повара, переводчики, обслуживающий персонал гостиниц, говорящий на иностранных языках)²⁰.

Приём мигрантов в соответствии со «списками профессий» был начат в 2008 г. На повестке дня, по сообщениям местной прессы, – введение квот для соискателей с учётом их происхождения из разных регионов мира²¹.

В рамках нового подхода власти пытаются ограничить многочисленную и долгое время преобладавшую в ряду миграционных потоков «семейную» иммиграцию, т. е. приезд вместе с одним работником или для воссоединения с ним членов его семьи, большинство из которых (женщины, дети, старики), как правило, не работают. Сузить этот поток призваны прежде всего предусмотрен-

ные законом об иммиграции от 20 ноября 2007 г. анализы на выяснение генетического родства между теми, кто желает воссоединиться с родственником на французской территории.

Кроме того, иммигрант, проживающий во Франции и желающий, чтобы к нему с родины приехала семья, должен доказать властям, что он может её содержать, что он располагает приличным жильём и уважает принципы демократического устройства французского государства, пройти тест на выяснение степени владения французским языком и знание французской культуры. В дальнейшем освоение французской культуры и интеграция во французское общество, как предполагается, должны начинаться ещё на родине будущего мигранта.

Сокращение «семейной» иммиграции в пользу «профессиональной» представляет собой одно из основных направлений новой иммиграционной политики, на реализации которого прямо настаивает Н. Саркози: «...Нужно переходить к тому, чтобы иммиграция становилась более профессиональной, с тем, чтобы увеличить её с нынешних 7 % до 50 % – особенно в отношении тех, кто остаётся во Франции на долгий срок»²². И предпринятые меры уже вскоре дали определённые результаты: с 1 июня 2006 г. по 31 мая 2008 г. «семейная» миграция сократилась на 12,5 %²³. Зато «профессиональная» иммиграция за первый год работы министерства увеличилась, по сравнению с предшествующим годом, на 36,7 %, что вполне соответствовало замыслам творцов новой иммиграционной политики.

Одной из инициатив в рамках принятого курса стало введение т. н. «*карт компетенций и талантов*», разрешающих пребывание на французской территории наиболее перспективных специалистов в различных передовых областях науки, производства, предпринимательства, культуры и спорта. В категорию желательных попадают также студенты «очень высокого уровня»: французским послам за рубежом даны чёткие указания выявлять и привлекать таких людей²⁴.

Что касается вопроса о *беженцах*, то в нём позиция Франции остаётся неизменной: предоставление политического убежища является для неё традицией и моральным долгом. В 2005 г. Франция приняла около 14 тыс. беженцев. При этом претенденты проходят отбор на предмет «отсечения» тех из них, кто на самом деле хочет въехать в страну по экономическим или иным, неполитическим, причинам.

Второй важной задачей политики Министерства иммиграции является способствование *интеграции иммигрантов* во французское общество. Обязательный

с 1 января 2007 г. «Контракт приёма и интеграции» позволяет получать гражданское (светское) образование, лингвистические и практические знания. Прибывший в страну обязуется уважать её культуру, ценности французской демократии и т. д. Но и государство имеет обязательства по отношению к иммигранту. Оно должно обеспечить ему доступное жилье и работу, возможность получать образование – всё с той же целью поддержать его интеграцию в общество. В течение первого года действия закона было подписано 101 050 контрактов. В обязанности префектов входит контроль над возобновлением этого документа по истечении первого срока: им предписано отказывать в продлении права на пребывание во Франции тем, кто явно не уважает условий контракта.

Усилия правительства по обеспечению интеграции иммигрантов сосредоточены на нескольких направлениях. Одно из наиболее важных – школьная адаптация детей. Именно в школе, в ходе обучения и во взаимоотношениях со сверстниками, многие дети иностранцев испытывают серьёзные трудности, которые сказываются на их успеваемости, социализации и дальнейшей судьбе. Ситуация здесь усугубляется тем обстоятельством, что многие родители не понимают проблем своих детей и не могут им помочь. В качестве эксперимента Министерство иммиграции совместно с другими ведомствами открывает т. н. «школы для родителей», где предполагается повышать их компетенцию, в т. ч. в области французского языка, давать им представление о школьных требованиях и в целом о среде школьного обучения, о детской психологии и т. д.

Ещё одна непростая проблема связана с существованием «гетто» – мест концентрированного поселения мигрантов, где в течение десятилетий им предоставлялось социальное жильё. Сегодня они образуют целые кварталы в городах и их пригородах, со своими порядками, низким уровнем жизни, массовой безработицей, неблагополучной социальной средой и соответствующими настроениями. Эти «гетто» во многом препятствуют интеграции иммигрантской молодёжи, являясь одним из факторов её сегрегации в обществе. В этой связи местным властям поручено более «гармонично» распределять жильё, избегая чрезмерной концентрации людей, «испытывающих трудности», особенно иностранцев, в одном месте²⁵. Национальное агентство по реконструкции городов получило указание подключиться к решению проблемы концентрации иностранного населения во взаимодействии с префектами и арендодателями.

Не менее важные интеграционные инициативы администрации связаны со стремлением обеспечить занятость приезжих: уровень безработицы в их среде в три раза выше, чем у «коренных» французов. Власти озаботились тем, чтобы

привлечь к труду женщин из числа членов семей иммигрантов, поскольку в подавляющем большинстве (93 % в декабре 2007 г.) они не работают и даже не ищут работы (среди мужчин той же категории, т. е. членов семей иммигрантов, работает 40 %²⁶). Этим людям предлагаются такие виды деятельности, от которых отказываются «коренные» французы: присмотр за детьми, работа по дому, уход за больными и престарелыми. По прогнозам экспертов, в этой сфере могут быть трудоустроены до 10 тыс. легальных мигрантов в год.

В целях пропаганды своей политики Министерство иммиграции учредило «Приз за интеграцию и совместное развитие», который начали вручать с 2008 г. Он предназначен тем, кто «помогает иностранцам в изучении французского языка, в получении работы, создании ими собственных предприятий, в повышении роли в обществе женщин из их среды, в приобщении их к культуре и спорту»²⁷, а также тем, кто способствовал (в т. ч. финансово) возвращению нелегальных мигрантов на родину или поддерживал деятельность иммигрантских ассоциаций.

Третья важная цель, к которой стремится Министерство иммиграции – *поощрение французской идентичности*, как она описана в статье 1 действующей Конституции: «Франция является неделимой, светской, демократической и социальной республикой. Она обеспечивает равенство перед законом всем гражданам без различия происхождения, расы или религиозной принадлежности». Такая трактовка, в которой преобладает правовое и гражданское (а не этническое) звучание, воспринимается сегодня как ответ на вызов, с одной стороны, глобализации (мондиализации), а с другой – коммунитаризма, т. е. интересов отдельных общностей и групп. В её рамках иммиграция, интеграция и идентичность не только не противоречат друг другу, но оказываются как бы последовательными звеньями одной цепи.

При этом французские власти заявляют, что вовсе не намерены обделять развивающиеся страны, оставляя у себя навсегда лучших специалистов. Срок их пребывания здесь ограничен шестью годами, после чего специалист, «обогащенный опытом работы во Франции», должен вернуться на родину, чтобы принести пользу своему народу. Перед нами – одна из главных установок новой иммиграционной политики: ориентация на т. н. «совместное развитие» (*codeveloppement*). Ведь важнейшей причиной иммиграции, особенно с Африканского континента, являются плохая экономическая, демографическая, экологическая ситуация, отсутствие приемлемого медицинского обслуживания, эпидемии и т. д.²⁸ Всё это порождает стремление молодёжи уезжать, невзирая на рискованность и доро-

говизну нелегальной переправы в Европу и тяжёлые условия последующего незаконного проживания. Одним из выходов в таких условиях видится помощь в развитии странам «исхода» в сочетании с усилением борьбы против нелегалов, что, по мнению французских властей, могло бы сдержать миграционные потоки.

В этой связи французская администрация поощряет отправку заработанных иммигрантами денег на родину, постоянно напоминая, что таким образом они способствуют техническому, культурному и политическому прогрессу. В одном только 2006 г. проживающие здесь выходцы из разных стран отослали домой 264 млрд. евро²⁹. Кроме того, в рамках поддержки частной предпринимательской инициативы созданы инвестиционный фонд в 250 млн. евро для помощи в развитии африканских предприятий и «Фонд гарантии», призванный упростить доступ малого и среднего бизнеса африканских стран к кредитам. Наконец, на сегодняшний день около 100 тыс. африканцев учатся во французских университетах, а Франция оказывает поддержку целому ряду африканских высших учебных заведений.

* * *

Таковы общие законодательные рамки приёма и адаптации мигрантов в стране. Однако какова же реальность? Как ощущают себя прибывающие в страну иностранцы? Первое, что можно заметить, – приток мигрантов в страну продолжается, число их увеличивается, и сегодня их всё чаще можно встретить в самых глубинных регионах страны.

Несмотря на всесторонние усилия по борьбе с нелегальной иммиграцией, она пока что далеко не изжита. Упомянутое выше ужесточение отношения к этому явлению со стороны властей проявляется, в частности, в том, что попытки некоторых нарушителей, давно уже обосновавшихся в стране, узаконить своё пребывание здесь, официально обратившись с просьбой об этом в Министерство иммиграции, – в большинстве случаев встречают отказ³⁰. Рассчитывать на благоприятное отношение могут те, кто работает «в географической зоне, где есть сложности для найма рабочей силы», и те, кто располагает доказательствами своей «способности к интеграции через работу». В любом случае таких людей относительно немного, о чём свидетельствуют беспристрастные цифры: из 1500 досье, поступивших с просьбой о регистрации из 8 префектур примерно за год, её получили только 40 претендентов³¹.

Получается, что большинство нелегалов не смогут узаконить своё положение в стране. Беспокойство за свою судьбу вывело многих из них на улицу – добиваться

справедливости. Например, в июне 2007 г. состоялось несколько демонстраций нелегальных мигранток – в основном женщин африканского происхождения, которые заняты низкооплачиваемым трудом: няни, кормилицы, сиделки и ухаживающие за престарелыми, домработницы, гладилицы белья и т. п., которые прибыли в страну (иногда по приглашению частных лиц), но не получили необходимые документы. Их срок пребывания во Франции на нелегальном положении насчитывает порой много лет. Положение работниц этой категории усугубляется тем, что они разобщены и практически изолированы в обществе.

Открытые проявления расизма во Франции давно уже решительно осуждаются общественным мнением как антидемократичные. Вместе с тем пресса время от времени сообщает о дискриминации по этническому/религиозному признаку в учебных заведениях, о сложностях, которые возникают у иммигрантов при обращении за медицинской помощью, при получении приемлемого социального жилья, о случаях дискриминации при приёме на работу, в общественных местах, о предвзятом отношении к ним полиции и т. д. Известно даже о таких кощунственных эксцессах, как погромы в мечетях и в местах захоронений мусульман. Отмечается, однако, не так уж мало фактов и противоположного порядка, т. е. неправовых поступков самих иммигрантов, в особенности несовершеннолетних. При этом не лишённые оснований опасения государственных служащих, что их могут обвинить в расизме, зачастую приводит к попустительству по отношению к нарушителям закона.

Трудности в проведении политики в сфере иммиграции и интеграции, вероятно, неизбежны – слишком уж сложны имеющиеся здесь проблемы. И все-таки, по оценкам Министерства иммиграции, по материалам прессы и личным впечатлениям самого автора, отношение к иммигрантам во Франции меняется в лучшую для них сторону. Представители разных социальных слоёв в ходе бесед с ними автора говорили о том, что понимают трудное положение иммигрантов и «бывших иммигрантов» (т. е. приезжих, получивших гражданство Франции), настаивали на возможности и необходимости их интеграции во французское общество. Оговоримся, однако, что это мнение в стране со столь развитой политической культурой и таким разнообразием суждений, как Франция – конечно же, далеко не единственное.

* * *

Имея немалый опыт в приёме и адаптации иммигрантов, испытав на практике самые разные подходы к этим вопросам, Франция ныне претендует на роль *ини-*

циатора общеевропейского иммиграционного законодательства, не довольствуясь тем, что все эти годы принимала самое активное участие в совместных с другими странами разработках в сфере иммиграционной политики. В период председательства Франции в Европейском Совете (1 июля – 31 декабря 2008 г.) обсуждение и решение вопросов миграции стало одной из приоритетных задач этого органа. 18 июня 2008 г. депутаты Евросоюза одобрили т. н. «Директиву возвращения», подготовленную Францией. Суть её состоит в упрощении процедуры высылки нелегальных мигрантов, которым сначала предлагают выехать по своей воле, а в случае отказа высылают насильно; арестованного нелегала можно держать в заключении до 18 месяцев. К высылке добавляется пятилетний запрет на въезд в данную страну. Действие директивы распространяется даже на детей, для которых прежде существовали иные правила.

Жёсткость принятых мер вызвала критику со стороны европейских – в т. ч. французских – левых. Одна из наиболее влиятельных правозащитных организаций «SOS-расизм», образованная выходцами из стран Магриба, назвала директиву позорной³². Её представители считают неприемлемым, что новый порядок закрывает въезд для уязвимых категорий иммигрантов, таких как дети или больные, которые оказываются в не правовой ситуации с точки зрения принимающей стороны. Предусмотренная процедурой высылка нелегалов, в особенности детей, характеризуется как негуманная. Ответные аргументы французских властей в этом вопросе таковы: многие из нелегалов имеют детей школьного возраста, но их обучение во Франции ещё не означает, что родители должны по этой причине автоматически получать документы на своё легальное пребывание здесь. Право ребёнка на образование должно удовлетворяться на его родине. Если же правительство будет выдавать таким родителям разрешение на проживание в стране, то это породит новую волну иммиграции³³.

Важнейшая инициатива, подготовленная Францией для ЕС в последнее время – «Пакт по вопросам миграции и убежища», принятый 14 октября 2008 г. В его основу легла идея об «избирательной иммиграции» и другие положения, уже знакомые нам по работе Министерства иммиграции в самой Франции. Согласно тексту Пакта, государства-члены ЕС обязуются: улучшить охрану границ Объединённой Европы посредством совершенствования пограничных служб, использования особых мобильных военизированных подразделений, введения новых въездных документов; разработать меры по лучшей организации легальной и профессиональной миграции; организовать эффективное удаление с территории ЕС иностранцев, проживающих там нелегально; согласовать содержание понятия

«беженцы», чтобы уменьшить расхождения, существующие сегодня между странами в определении права на убежище. В 2009 г. в Брюсселе планируется создать Европейское бюро по проблемам беженцев, основной функцией которого будет сосредоточение информации по кандидатам на предоставление политического убежища в едином центре и централизованное же решение об их приёме³⁴.

Испания

Подобно России, при этом несколько опережая её по времени, Испания в последние десятилетия резко изменила курс своего социально-экономического и политического развития и за очень короткие (по историческим меркам) сроки фактически переместилась в новую эпоху. До середины 1970-х гг. здесь существовал авторитарный недемократический режим, державший под контролем все аспекты жизни общества; о сколько-нибудь значительной миграции на территорию страны извне (исключая многочисленных западноевропейских и американских «сезонных» туристов, устремившихся на испанские пляжи с начала 1960-х гг.) речи не было – напротив, сами испанцы традиционно искали лучшей доли вдали от родины, в Америке или Европе. Теперь же Испания – неоспоримая часть «единой Европы», либерально-демократическое государство с развитой рыночной экономикой и сравнительно высоким уровнем благосостояния граждан. Одним из неизбежных следствий наступившего в 1980–1990-е гг. относительного материального благополучия стало её превращение в страну, привлекательную для искателей счастья из других уголков мира. «Быстрота, с которой Испания перестала быть страной эмиграции и стала страной иммиграции, не имеет прецедентов в демографической истории Европы, а может быть, и всего мира. В то время как в более северных европейских странах, вроде Франции и Британии, эта трансформация растянулась на несколько десятилетий (1950–1970-е гг.), в испанском случае панорама радикально изменилась за немногим более чем 5 лет»³⁵. В результате в первые годы нынешнего века Испания вышла на второе место после США по приёму мигрантов; около 45 % всех иммигрантов, прибывших в ЕС в 2006 г., пришлось на Испанию. В абсолютных цифрах ситуация выглядит следующим образом: в 1986 г. в стране находилось около 242 тыс. иностранцев, что составляло на тот момент 0,63 % населения Испании; в 1996 г. их было 542 тыс. (1,37 %); в 2006 г. – уже 4144 тыс. (9,27 %), а всего два года спустя, в 2008 г., – свыше 5220 тыс. (11,3 %). В ряде населённых пунктов на территории страны зафиксировано одновременное проживание выходцев более чем из 90 государств

мира; кое-где численность иммигрантов доходит до $\frac{1}{3}$ от общего числа жителей, а в некоторых – превышает половину³⁶.

Не удивительно, что в последние годы проблема иммиграции прочно заняла одно из первых мест в глазах самих испанцев (точнее, второе – сразу после безработицы и перед терроризмом)³⁷. Насколько же готовы оказались испанские власти к возникшей ситуации? Если послушать тамошних экспертов (в данном вопросе практически единых), то получается, что совершенно не готовы, и более того: долгое время не могли выработать ясную и разумную политику в отношении приезжих, уже массово оседавших в испанских городах и селениях, не имели чёткого представления о том, что это за явление и что с ним делать. Очень похоже, – предполагают критики, – что должностные лица видели в происходящем нечто кратковременное и случайное, что само собой «как-нибудь рассосётся». И лишь постепенно, методом проб и ошибок, в условиях необходимости учитывать множество внутренних и внешних факторов, испанская государственная администрация разных уровней стала нащупывать оптимальный курс в отношении приезжих.

Итак, иммигрант (inmigrante) в Испании – это иностранец (extranjero) из бедной страны, цель которого – найти здесь работу. Естественно, что в числе первых представителей этой категории в стране появились ближайшие соседи из Северной Африки – марокканцы; их наплыв и численное доминирование над остальными «национальными отрядами» иммигрантов какое-то время были столь велики, что 1990-е гг. в испанской специальной литературе порою называют «марокканским десятилетием». Стремление этих людей попасть в Испанию неудивительно: на рубеже тысячелетий «испанский» доход на душу населения превышал «марокканский» в 12 раз! В дальнейшем доля североафриканских арабов в общей массе «трудовых» мигрантов неуклонно снижалась – но не за счёт сокращения их абсолютной численности, а по причине увеличения количества приезжих из других частей света: прежде всего – из Латинской Америки и Восточной Европы, а также из Чёрной Африки, Южной Азии, с Филиппин и пр. Так, в 2006 г. латиноамериканцы составляли 36,21 % всех зарегистрированных иностранцев в Испании, восточноевропейцы – 17,75 %, североафриканские арабы – 14,83 %, негры из стран Африки южнее Сахары – 4,12 %, филиппинцы – 0,48 %³⁸.

В Испании, как и повсюду, «гастарбайтеры» концентрировались там, где имела наибольшая потребность в рабочей силе. Географически это были, в первую очередь, Мадрид и окружающая столицу индустриальная зона, а также средиземноморское побережье и принадлежащие Испании архипелаги. Что касается

сфер занятости, то на середину 2000-х гг. иммигранты находили себе применение: в сфере обслуживания – 59 %, (включая торговлю, гостиничный и ресторанный бизнес, уборку улиц, работу в качестве домашней прислуги, няnek, сиделок и т. д.); в строительстве – 21 %; в промышленности – 12 %; в сельском хозяйстве – 8 %. В огромном большинстве случаев работа, выполнявшаяся приезжими, подразумевала низкую квалификацию, повышенную долю ручного труда и сравнительно невысокую (по испанским меркам) зарплату. При этом сложилось что-то вроде «национальной специализации»: латиноамериканцы более других тяготели к сфере услуг, восточноевропейцы – к строительству, марокканцы – к полевым работам и т. д.

«Гендерный расклад» иммигрантов определился в целом в пользу мужчин: 53,4 %, против 46,6 % женщин, хотя по странам происхождения приезжих наблюдались очень большие различия; к примеру, в случае с латиноамериканцами женщины численно доминировали.

Первый в демократической Испании закон, посвящённый положению иностранцев и иммиграции, увидел свет в 1985 г. с подачи правительства, сформированного победившей на выборах Испанской социалистической рабочей партией. Он представлял собой попытку систематизировать (в связи со вступлением Испании в ЕЭС) действовавшие на тот момент практические и юридические нормы, регулировавшие по преимуществу въезд в страну и получение разрешения на работу и проживание. По оценкам экспертов, иммиграция трактовалась в новом законе как явление временное, не предполагающее оседания иммигрантов на испанской земле³⁹; в ряде важных аспектов жизнедеятельности за ними закреплялись существенные права, однако в других сферах их статус был весьма ограничен по сравнению с гражданами страны⁴⁰.

До конца 1980-х гг. ни государство, ни общество не видели в иммиграции сколько-нибудь значимой проблемы, хотя бы отдалённо сравнимой с безработицей и терроризмом. Однако неуклонно нараставшее количество «гастарбайтеров» постепенно меняло ситуацию. В действиях администрации стало ощущаться всё большее беспокойство в связи с недостаточным контролем над иммиграционными потоками в страну и увеличением доли в них «нелегальной» составляющей. Так, в конце 1994 г. был принят первый План социальной интеграции иммигрантов. И тем не менее даже в конце 1990-х гг., когда иммиграция уже уверенно обозначилась в качестве влиятельного фактора внутренней жизни Испании, всё ещё не приходилось говорить об интеграционной политике как таковой, – скорее, о действиях и акциях интеграционного характера.

2000-й год стал одним из самых значимых в общественном осмыслении иммигрантского феномена в Испании. В первой половине этого года был принят новый Закон о правах и свободах иностранцев в Испании и их социальной интеграции, расцененный наблюдателями либерального толка как «самый прогрессивный» на тот момент в рамках ЕС, поскольку в отличие от предыдущего в нём упор делался на максимально возможное уравнивание иностранцев, обосновавшихся в Испании, с гражданами страны в основных сферах жизни. Так, утверждалось право иммигрантов, в т. ч. и «нелегальных», на бесплатную юридическую помощь и медицинское обслуживание, а также на обязательное начальное образование для их детей, живущих в Испании; признавалось право иммигрантов на забастовки, проведение собраний, создание профсоюзов и объединений; подтверждалось право «легальных» иммигрантов на воссоединение семьи (если они располагали средствами на её содержание); иностранцы-«нелегалы», сумевшие прожить в Испании как минимум два года и имеющие здесь работу, получали автоматическую регистрацию, зарегистрированному же «трудовому» мигранту выдавалось разрешение на пятилетнее проживание в стране; отказ иностранцу в испанской визе требовал незамедлительного объяснения причин; наконец, наказать иммигранта за отсутствие у него документов в момент задержания можно было только штрафом.

Принятие нового закона вызвало мощную волну критики внутри страны. Оппоненты утверждали, что он является по существу не чем иным, как приглашением всем желающим переселяться в Испанию, и что его результатами станут резкий рост государственных расходов (на интеграцию и обустройство иммигрантов) и увеличение и без того обильного притока в страну новых «гастарбайтеров», бегущих от бедности у себя на родине⁴¹. Власти сочли возражения обоснованными, и ещё до конца года взамен критикуемого был спешно принят новый закон, существенно модифицировавший предыдущий и немедленно ставший объектом критики теперь уже со стороны правозащитных и социально ориентированных НПО, профсоюзов, католической церкви, левых партий и др. По нему приостанавливалась начавшаяся было автоматическая легализация незаконных иммигрантов, урезались их права, в т. ч. право на собрания, манифестации, забастовки и пр. (им оставили только медицинское обслуживание и школьное обучение для детей), отменялась обязанность чиновников мотивировать отказ в выдаче визы, устанавливалась норма высылки в 48 часов для тех, кто живёт и работает без официального разрешения и кого за это раньше полагалось только штрафовать. Ужесточились требования к тем, кто претендовал на получение вида на жительство в Испании.

В доступе на испанский рынок труда делался упор на систему ежегодно выделяемых квот; при найме на работу подтверждался приоритет испанских граждан. Предусматривались наказания работодателей за использование нелегального труда⁴². Стратегический замысел определялся как, во-первых, радикальное перекрытие иммиграционных потоков, идущих в Испанию из-за рубежа, и поощрение иностранцев, пытающихся осесть в стране, к возвращению на родину, а, во-вторых, как энергичные организационные, финансовые и прочие усилия по созданию рабочих мест в тех странах, где накапливаются потенциальные иммигранты и откуда они прибывают в Испанию.

Одна из претензий к новому «иммигрантскому» плану состояла в его избыточном «централизме»: принятие всех важных решений сосредоточивалось в правительственных органах, тогда как позиции региональных и местных властей, общественных организаций, а также самих иммигрантов в должной степени не учитывались⁴³.

Нужно отметить, что столь резкие колебания в иммиграционной политике, напоминающие качание маятника, произошли при одном и том же политическом руководстве страны: в 1996–2004 гг. у власти находилась Народная партия, имеющая репутацию консервативной.

Однако разом ужесточить уже сложившуюся политику по отношению к «трудовым» мигрантам из-за рубежа оказалось совсем не просто. Так, по данным экспертов, заявленная в качестве единственно приемлемой процедура официального (по квотам) набора иностранцев на работу в Испании оказалась настолько сложной и неудобной, что почти не действовала, тогда как рынок рабочей силы оставался по-прежнему открыт для «нелегалов». Сложилась парадоксальная ситуация, при которой приехать в страну на поиски работы законным путём стало чрезвычайно трудно, зато проникнуть туда, используя незаконные способы, было во многих случаях гораздо легче.

Дополнительную особенность «иммигрантской проблематике» современной Испании, где автономные регионы энергично борются за расширение своих и без того немалых полномочий, придавали попытки некоторых из них выстроить собственную политику по отношению к приезжим – в частности, заняться созданием рабочих мест на родине тех иммигрантов, которые прибывают именно в данный регион.

Вернувшиеся к власти в 2004 г. социалисты вновь изменили государственный курс в отношении иммигрантов. Знаковой акцией стала передача последних из сферы компетенции МВД в ведение Министерства труда и социальных

проблем. Левые предприняли смелую попытку снять нарастающую напряжённость путём форсированного побуждения к регистрации всей армии «нелегалов», буквально наводнивших страну: тем из приезжих, кто успел «подпольно» проработать здесь хотя бы шесть месяцев, выдавалось разрешение на пребывание в Испании. С каждым из них работодатель должен был заключить законный трудовой контракт.

На призыв властей в феврале–мае 2005 г. откликнулось около 700 тыс. чел. Однако многие «нелегалы» по разным причинам так и не решились узаконить своё положение, а между тем в страну по-прежнему в больших количествах продолжали проникать всё новые искатели счастья. К тому же предпринятая акция вызвала не только решительное неприятие испанских правых, но и протесты со стороны ряда государств ЕС, включая тех, что ранее сами прибегали к аналогичным мерам, но затем отказались от них, сочтя их неэффективными. Властям Испании настоятельно советовали впредь решать подобные вопросы коллегиально, учитывая интересы других стран ЕС, куда теперь, пользуясь льготным режимом пересечения границ, могут направиться узаконенные испанскими властями «трудо-вые» мигранты⁴⁴.

В том же 2005 г. произошли драматические события, расценённые некоторыми именно как следствие «эффекта призыва», обращённого к новым иммигрантам и порождённого упомянутой кампанией по «легализации». На протяжении нескольких недель тысячи выходцев из Чёрной Африки штурмовали (в прямом смысле слова) со стороны Марокко пограничные заграждения вокруг испанских владений на североафриканском побережье – Сеуты и Мелильи, стремясь попасть на их территорию. В ходе столкновений были убитые и раненые, несколько сотен человек сумели прорваться, и стабилизировать ситуацию удалось лишь совместными усилиями Испании и Марокко, привлёкших войска на помощь пограничникам⁴⁵.

Под воздействием внутренних и внешних факторов политика социалистического правительства по отношению к незаконным иммигрантам продолжала ужесточаться. Совместно с другими странами ЕС военные корабли и самолёты Испании патрулируют прибрежные воды, чтобы не допустить бесконтрольного проникновения на европейскую территорию многочисленных африканцев, с риском для жизни пытающихся добраться туда морским путём. Установлены суровые наказания для дельцов, практикующих преступный бизнес – переправу «нелегалов» на испанский берег. С рядом африканских стран заключены соглашения о высылке их граждан, задержанных в Испании за незаконный переход границы и т. д.

Объявленное намерение решительно покончить с нелегальной иммиграцией столкнулось с целым рядом препятствий юридического характера. Так, действовавшая до совсем недавнего времени процедура обращения с задержанным «нелегальным» иммигрантом состояла в том, что его помещали в специальный центр-приёмник, из которого обязаны были выпустить уже через 40 дней в том случае, если не удавалось установить его гражданство или с его родиной не было соглашения о высылке. После чего он оставался на испанской территории, и его нельзя было арестовать, пока он не совершал какого-нибудь преступления. А массовая депортация «нелегалов» вошла бы в очевидное противоречие с утвердившейся как в Испании, так и в ЕС в целом либеральной традицией⁴⁶.

Однако осенью 2008 г. ЕС принял директиву, позволявшую входящим в него государствам содержать под стражей «нелегальных» иммигрантов до 18 месяцев (время, за которое вполне можно установить личность задержанного и подготовить документы для его высылки). Испанская администрация восприняла это решение как руководство к действию, не смущаясь протестами гуманитарных организаций, расценивших вводимую процедуру как вопиющее нарушение прав человека. Более того, было объявлено о создании специальной полицейской бригады, предназначенной для выдворения из страны иностранцев-правонарушителей. Приезжих, виновных в преступлениях, квалифицируемых как «нетяжкие», отныне решено было высылать на родину, а не судить и сажать, как прежде, здесь же, в Испании.

Помимо «кнута» (полицейских мер), испанское правительство, стремясь в условиях кризиса сократить численность иммигрантов, осевших в стране, пытается использовать и «пряник». Ещё летом 2008 г. тем из них, кто лишился работы, было предложено получить всю сумму причитающегося им пособия по безработице сразу в обмен на согласие вернуться на родину. Затем было объявлено о готовности выдать таким «добровольным возвращенцам» все сделанные ими за годы работы в Испании отчисления в фонд социального страхования.

Формальное положение иностранцев, постоянно живущих в Испании (т. н. «резидентов»), неоднородно. «Легальные», т. е. зарегистрированные (в отличие от «нелегалов», укрывающихся от регистрации) иммигранты подчиняются либо т. н. *regimen comunitario* (т. е. правилам, определяющим права граждан ЕС и фактически уравнивающим их с испанцами; таких в 2008 г. было 46,8 % от общего числа осевших здесь приезжих), либо т. н. *regimen general* (оставшиеся 53,2 %). Из числа последних 21,6 % обладали разрешением на работу по найму, 0,3 % – на предпринимательскую деятельность, 10,8 % – не имели права на работу вооб-

ше, и, наконец, 20,4 % успели обрести постоянную регистрацию, что позволяло им жить и работать на тех же условиях, что и испанским гражданам.

Что касается возможности для иностранца получить испанское гражданство (точнее, подданство – ведь Испания является монархией), то представление о динамике этой процедуры дают следующие примеры:

а) в 2005 г. новых испанских граждан из числа бывших иммигрантов в стране насчитывалось 827 287 чел., что составляло 1,8 % численности её населения; прочих иностранцев-«резидентов» было в это время 3 730 610 чел. (8,5 % населения), и таким образом в совокупности «урождённые иностранцы» составляли 10,3 % населения страны;

б) из всех уроженцев Латинской Америки, осевших к тому моменту на испанской земле, 45 % находились здесь незаконно, 36 % имели вид на жительство, а 19 % – испанское гражданство.

Согласно конституции, испанским гражданством автоматически наделяется всякий рождённый в Испании от испанского гражданина (отца или матери). Когда последнее условие отсутствует, человек, родившийся на территории Испании, также может получить испанское гражданство, если:

- а) кто-либо из его родителей тоже родился в Испании;
- б) его родители неизвестны;
- в) его родители – уроженцы страны, где нет автоматической передачи гражданства от родителей к детям;
- г) в течение года после своего рождения он проживал и продолжает проживать в Испании.

Другие претенденты на обретение испанского гражданства могут обращаться с соответствующей просьбой после того, как на законном основании прожили в Испании не менее 10 лет. Однако есть несколько категорий соискателей, для которых срок обязательного пребывания в Испании существенно снижен. Льготы предусмотрены, в частности, для:

- политических беженцев (5 лет);
- тех, кто родился вне Испании, если кто-то из его родителей или бабок/дедов был изначально испанским гражданином (1 год);
- уроженцев Латинской Америки, Андорры, Филиппин, Экваториальной Гвинеи, Португалии, а также сефардов независимо от страны (2 года)⁴⁷.

Последняя из названных категорий отражает особенность испанской иммиграционной политики, заслуживающая отдельного упоминания. Подобно тому, как после 1991 г. основной поток мигрантов в Россию идёт из республик бывше-

го СССР, значительную часть «трудовой» миграции в Испанию составили (особенно на первых порах) уроженцы стран, входивших когда-то в состав единой обширной испанской монархии, т. е. в некотором смысле «бывшие соотечественники» (к ним относят и евреев-сефардов, потомков средневековых изгнанников из Испании). И представление о своего рода ответственности за тех, кто (или чьи предки) на каком-то этапе истории страны разделял эту историю с нынешними испанцами или, соответственно, с их предками, присуще как местному обществу (являющемуся в полном смысле слова *гражданским*), так и государству, независимо от партийной окраски его администрации на данный момент. Отсюда – закрепляемые в официальных документах преференции для этих людей по части как въезда их в страну, так и предоставления им испанского гражданства. Подавляющее большинство в «сообществе наций, непосредственно связанных с Испанией по множеству исторических, культурных и языковых обстоятельств», составляют, конечно же, латиноамериканцы, которые с начала текущего века и вплоть до недавнего кризиса ежегодно оседали здесь сотнями тысяч.

Из данного правила имеется, однако, исключение – североафриканские арабы-мусульмане, для которых никаких преимуществ не предусмотрено. И дело здесь не только в позиции официальной администрации. Многовековое вооружённое противостояние на земле Испании последователей ислама и христиан имело следствием то, что испанская традиционная культура во многих своих аспектах ощутимо пропитана противопоставлением испанцев маврам и негативной трактовкой последних, которая, как оказалось, и сейчас ощутимо влияет на отношение к ним (точнее, к их потомкам, североафриканским иммигрантам-мусульманам, главным образом марокканцам) в современном испанском обществе.

Причины, по которым фактор иммиграции на нынешнем этапе испанской истории оказался столь значимым, достаточно очевидны и взаимосвязаны. По мере роста благосостояния общества местные жители становились всё более разборчивы, отказываясь от не престижной, тяжёлой и малоодоходной с их точки зрения работы. А продолжающееся сокращение прироста населения (из-за очень низкой рождаемости) сулило стране весьма нерадостные перспективы. По подсчётам экспертов, местный рынок труда нуждался в том, чтобы его ежегодно пополняли как минимум 90 тыс. чел., тогда как внутренние демографические ресурсы были практически исчерпаны.

Начавшийся приток «трудовых» иммигрантов пресёк опасный ход событий. Приезжие обеспечили рабочей силой остро нуждающиеся в ней отрасли испанской экономики и тем самым – продолжение её роста, а заодно – роста доходов

на душу населения в стране. Некоторые виды деятельности, возможно, без них и вовсе были обречены на гибель; так, неоднократные попытки нанять для сезонного сбора урожая сидящих на пособии безработных испанцев регулярно заканчивались неудачей⁴⁸. «Гастарбайтеры» дали возможность миллионам испанских женщин выйти на рынок труда, заняв их место в домашнем хозяйстве, уходе за детьми, за больными и престарелыми. Наконец, исключительно вследствие массовой иммиграции в Испанию там прервалась устойчивая тенденция снижения прироста населения страны, показатели которого к началу 1990-х гг. упали до едва ли не самых низких значений за всю её историю, после чего пошли круто вверх. За 7 лет, с 1998 по 2005 гг., численность населения Испании выросла на 4 255 880 чел., т. е. на 10,68 %, что очень много для западноевропейской страны; свыше 90 % этого прироста обеспечивает иммиграция. За счёт приезжих, средний возраст которых значительно ниже среднеиспанского (32,8 года против 41-го), происходит омоложение населения страны. В 2005 г. от матерей-иностранок здесь появилось на свет 15,02 % всех новорожденных, хотя иностранцы составляли тогда лишь 8,46 % населения и 10,64 % женщин детородного возраста, живущих в Испании. Наконец, из 208 146 браков, заключённых в Испании в 2005 г., 29 604 (14,22 %) было зарегистрировано с иностранцами/ками (с ними связали свою судьбу 13 672 испанских мужчин и 8730 испанок)⁴⁹.

Испанская «перестройка» конца 1970-х – начала 1980-х гг. способствовала становлению новых норм жизни, утверждению новых ценностей и моделей поведения и не в последнюю очередь – смягчению или снятию множества прежних ограничений, особенно административного свойства. Появились совершенно немыслимые для недавней франкистской эпохи возможности сравнительно легко попасть на территорию Испании и оставаться там даже без разрешения властей, с минимальным риском быть высланным, при этом имея право на бесплатные медицинскую помощь и начальное школьное образование для детей. А узаконив своё положение, иммигрант обретал право на «воссоединение семьи» (если она до той поры оставалась на родине), в дальнейшем же – пусть и не скоро – мог претендовать на получение гражданства. В самом же испанском обществе – точнее, в той немалой его части, для которой защита прав человека, нормы «политкорректности» и т. п. ценности являются абсолютным приоритетом – обозначилось влиятельное течение, сторонники которого решительно выступили против каких-либо ограничений прав иммигрантов, тем более, по их мнению, что теперь, когда на смену «национальному государству» приходят надгосударственные формы, прежние правила гражданства, конечно же, устарели⁵⁰. Известно мнение,

согласно которому обитатели богатых стран Европы, в число которых теперь вошла Испания, должны смиренно нести расходы и прочие неудобства, связанные с наплывом «трудовых» мигрантов из «третьего мира», поскольку именно благополучный Запад является главным виновником бедственного положения населения слаборазвитых государств. В применении к Испании говорилось о её «исторической вине» перед людьми, предки которых когда-то пострадали от предков нынешних испанцев и которые составляют большинство «гастарбайтеров»: эту вину теперь следует искупать.

Население страны в его основной массе не было, однако, готово к принятию такой установки даже психологически, не говоря уже об идеологической стороне дела. Вызванные массовой иммиграцией перемены в привычной среде обитания жителей Испании оказались слишком стремительны и масштабны; местные жители, поколениями воспитывавшиеся в недоверии по отношению к «чужакам», вдруг обнаружили, что рядом с ними, на их родной земле, откуда ни возьмись, появились многочисленные представители иных культур, религий, носители иных языков, обладатели иных традиций, привычек, иного внешнего облика, наконец, – которые к тому же претендуют на то, чтобы остаться здесь навсегда.

Вместе с тем атмосфера повсеместной демократизации и либерализации способствовала тому, что отношение к «трудовым» мигрантам здесь было на первых порах ощутимо более терпимым и доброжелательным, нежели в других западноевропейских странах в ту пору и в самой Испании в дальнейшем. К тому же испанцам постоянно напоминали, что многие из них сами ещё вчера искали счастья на чужбине, – тем больше оснований проявлять солидарность с такими же горемыками из других стран!

Однако стремительное нарастание количества «гастарбайтеров» постепенно меняло картину. Подобно тому, как приезжие воспользовались возможностью незаконно находиться на территории Испании, многие местные предприниматели, в свою очередь, стали использовать бесправное положение этих людей, вынужденных соглашаться на любую работу практически на любых условиях – сплошь и рядом без заключения формального договора, за низкую зарплату, при ненормированном рабочем дне и отсутствии платы за сверхурочный труд, без оговоренных дней отдыха и т. д. Иммигрантам совсем не просто снять жильё: многие не хотят сдавать им помещения или же требуют большей платы, нежели обычная. Возникла тенденция к скоплению приезжих в «депрессивных» кварталах, переживающих упадок, где они страдают от скученности и всякого рода неудобств⁵¹.

Серьёзной угрозой для иммигрантов стало уличное хулиганство, особенно в больших городах – те «банды безмозглых кретинов, которые, разъезжая туда-сюда в метро, избивают мавров и негров...»⁵²; нередко приезжие становятся жертвами скинхедов-неонацистов. Жалуются иммигранты и на произвол со стороны сотрудников служб охраны порядка, обвиняя их в беспричинных задержаниях, оскорблениях, незаконных облавах и пр. Но наибольший резонанс вызывают коллективные выступления местных жителей против приезжих. В ряде случаев дело доходило до массовых драк или самых настоящих погромов, с убитыми и ранеными, паническим бегством «чужаков», сожжёнными домами и столкновениями с полицией, запоздало пытавшейся усмирить бушующую толпу. Скандальную известность приобрели конфликты, в ходе которых насильственными действиями своих земляков руководили члены местной администрации, в т. ч. и представители соцпартии. При этом, как указывается в печати, случаи привлечения к суду за преступления против иммигрантов очень редки в сравнении с количеством самих преступлений такого рода, но даже здесь «имеют место постыдные оправдательные приговоры»⁵³.

Сотрудников социальных служб, ведающих иммигрантами, нередко упрекают в том, что они препятствуют открытому освещению и обсуждению конфликтных ситуаций, ссылаясь на то, что это может усилить ксенофобию и спровоцировать новые вспышки насилия. По сути же, считают критики, речь идёт о желании «сомкнуть ряды» и защитить репутацию «принимающей стороны», представив дело так, что шум вокруг скандальных событий якобы является результатом некой «хорошо организованной кампании – в чьих-то тёмных материальных интересах»⁵⁴.

Злободневность и накал давно уже ведущихся публичных споров о том, чем же всё-таки – злом или благом – является для страны массовая иммиграция, с течением времени не снижаются, к дискуссии подключаются всё новые участники, привносящие в обсуждение новые тезисы и аргументы. Так, можно услышать, что возможность нанять иностранца за меньшие деньги и на гораздо худших условиях, чем испанского гражданина, сбивает цену рабочей силы и тормозит улучшение условий труда; что количество «трудовых» мигрантов в стране давно превышает её экономические нужды, а «гости» занимают рабочие места, предназначенные местным жителям; что приезжие, с их ограниченностью в правах, более низким уровнем зарплат и т. д., превращаются в граждан второго сорта, в своего рода «маргинальную составляющую» в недрах испанского общества и таким образом серьёзно деформируют его; что уже сейчас на социальную помощь иммигрантам государство вынуждено расходовать огромные суммы...⁵⁵

Большую обеспокоенность в испанском обществе вызывает резкий рост преступности, напрямую связанный с ростом «нелегальной» иммиграции: примерно $\frac{1}{3}$ всех правонарушений совершают обосновавшиеся здесь иностранцы, преступность в среде которых растёт примерно на 10 % в год. Велики опасения, что дальнейшее углубление кризиса только ухудшит криминальную ситуацию. Вот как выразил бытующие умонастроения известный публицист отнюдь не правых убеждений А. Перес-Реверте: «Теперь... любой безработный нелегальный эмигрант может обчистить кого-нибудь на углу...»; «...мой друг Анхель... горько жалуется, что нынче... всё заполонили мавры, вытеснив национальные кадры из таких специальностей, как торговля гашишем, вырывание из рук сумочек и грабёж под угрозой навахи. Я, представьте, согласен с Анхелем. Что касается разного рода нападений, я – ксенофоб, каких свет не видал, и, по мне, если уж какой-нибудь отброс общества приставляет мне нож к горлу, то пусть уж лучше он будет нашим, а не приезжим...»⁵⁶

Уже по данным социологического обследования 1996 г. оказалось, что 60 % испанской молодёжи (до 30 лет) видят в иммиграции больше неудобств, чем преимуществ. Опрос школьников в следующем году дал такие результаты: 65 % считали, что в Испании уже достаточно иностранных рабочих; 51 % – что приезжие занимают рабочие места, которые должны доставаться местным; 42 % – что они способствуют росту наркоторговли и преступности; 72 % – что иммиграция несёт с собой прежде всего неприятности и ущерб. Из числа тогда же опрошенных взрослых 46 % заявили, что иммигранты способствуют безработице, а 47 % – что они увеличивают преступность⁵⁷.

Исследования социологов, проведённые десять лет спустя, показали, что антииммигрантские настроения по-прежнему сильны в испанском обществе: от 20 до 30 % населения – в особенности молодёжь, представители рабочего класса и безработные – продемонстрировали резко отрицательное и даже ксенофобское отношение к «гастарбайтерам»⁵⁸.

В целом в местном обществе укрепились понимание необходимости переселения иностранцев в Испанию для обеспечения её демографического потенциала. Растущее отторжение «нелегалов» сочетается с курсом на интеграцию, т. е. полноценную включённость в местную жизнь «законных» иммигрантов. Правда, пока нет согласия ни в отношении способов достижения означенной цели, ни в том, каковы должны быть общепризнанные показатели интегрированности. К примеру, влиятельная Народная партия требует обязывать иммигрантов при оформлении вида на жительство подписывать договор с испанским государством, содер-

жащий обещание хорошо себя вести в Испании: соблюдать её законы, уважать традиции, выучить язык, платить налоги и т. д.; нарушение обязательств будет означать немедленную высылку. Все противоречащие испанским законам нормы, которые могут привычно практиковаться в иммигрантской среде (ограничения прав женщин, препятствия для обязательного начального образования детей, действия и мероприятия, связанные с насилием, чрезмерным шумом и загрязнением окружающей среды и пр.), должны быть решительно запрещены, даже если они считаются естественными в стране «исхода»⁵⁹.

Бурно обсуждается готовность самих приезжих интегрироваться в принимающее общество, приспосабливаясь к нему и усваивая принятые в нём нормы и ценности. Слышны громкие предостережения относительно опасности скорого «затопления» страны чужеродными пришельцами, в результате которого в ней не останется ничего испанского⁶⁰. В качестве главной угрозы рассматривается исламское сообщество Испании (до 1 млн. чел.), представленное преимущественно североафриканскими «маврами», после столетий прямого запрета расселившись по территории страны. Противники их присутствия утверждают, что на новом месте эти люди беспрепятственно воссоздают свою исходную культурно-религиозную среду, где доминируют этические и идеологические модели, глубоко чуждые европейским. Более того, в арабо-берберах Магриба подозревают потенциальную «пятую колонну», замыслившую «перевоевать Реконкисту» и восстановить утраченное некогда господство ислама на Пиренейском п-ове. Резонансными аргументами в пользу такого рода подозрений стали совершённые исламскими смертниками кровавые теракты в Мадриде в марте 2004 г., унесшие жизни почти двухсот человек.

Оппоненты антимусульмански настроенных активистов настаивают на том, что североафриканцы в Испании переживают тот же процесс адаптации к новым для них условиям существования, что и остальные группы иммигрантов. Его итогом должна стать трансформация их самих и их потомков в «мусульманский сектор испанского общества», т. е. в законопослушных испанцев-мусульман, ничем, кроме религии, не отличающихся от прочих своих сограждан, – вроде тех нескольких тысяч «природных» испанцев, которые с конца 1970-х гг., на волне широкой либерализации общественной жизни в стране, приняли ислам.

Между тем власти Испании действительно озаботились тем, что система социально-культурных связей и контактов магрибских иммигрантов во многом оказалась вне поля зрения «принимающей стороны». Началась реализация программ по установлению контроля над общественной жизнью приезжих и воспи-

тания их детей – с тем, чтобы стимулировать интеграцию и пресекать распространение в их среде экстремистских идей, проникающих извне. Так, было решено вводить в государственных школах и за счёт казны в обязательный курс обучения для детей мусульман «уроки ислама», чтобы этим не занимались «сомнительные лица в зловердных целях» и т. п. Сейчас в стране имеется около 500 всевозможных (религиозных, культурных, общественных и пр.) объединений мусульман, около 600 мечетей и молельных домов и помещений. При этом испанские последователи ислама, как утверждаетса, в подавляющем своём большинстве пока что придерживаются тех его толкований, которые предполагают терпимость и открытость, прежде всего, – к традициям и ценностям «принимающей стороны». Если верить результатам социологических опросов 2006–2007 гг., мнения живущих здесь мусульман по основным социальным, политическим и культурным вопросам не отличаются сколько-нибудь существенно от тех, которые выражают остальные жители страны. Всё, однако, может измениться, – предупреждают эксперты, – если власти и общественность Испании не сумеют воспрепятствовать, с одной стороны, маргинализации мусульманской общины, а с другой – усилению влияния в ней исламских радикалов⁶¹.

До сих пор иммигранты-мусульмане магрибского происхождения продолжают оставаться группой, к которой «коренное» испанское население испытывает наибольшие, в сравнении с другими иностранцами, отчуждённость и недоверие. Процент браков с ними местных жителей наиболее низок. Уже упоминавшийся нами публицист с большим сочувствием пишет о них: «... в этой холодной, враждебной стране, где для того, чтобы получить еду, нужно быть хорошим мавром, который говорит “да, начальник”... Где достаточно взглянуть в глаза любому *арруми* – христианину, – чтобы прочесть в них недоверие и презрение. Где уже прямо на границе полицейские начинают тебе “тыкать” самым хамским образом, как будто в Марокко все мужчины – рабы или преступники, а все женщины – шлюхи»⁶². Большая часть произошедших за эти годы коллективных антииммигрантских выступлений, принимавших порою насильственный характер, была направлена именно против магрибских мусульман.

Определённые надежды в Испании были связаны с тем, чтобы заменить проблемный «мавританский» иммиграционный поток латиноамериканским. Казалось очевидным, что общность исторического прошлого, языка, культуры, религии сделает безболезненное «растворение» любого количества приезжих этой категории в населении Испании делом ближайшего будущего, причём «испанское начало» от этого только укрепитса. Во многом эти ожидания оправдались: ре-

жимные преференции в отношении иберо-американцев поощрили их массовый въезд в страну. Судя по результатам опросов, местные жители действительно воспринимают их как наиболее приемлемых иностранцев, а браки с ними, соответственно, как наиболее предпочтительные.

Вместе с тем обнаружилось, что многие из них совсем не склонны «растворяться» в местном населении – напротив, они поддерживают тесные связи с оставленной за океаном родиной, а здесь – с земляками, в общении с которыми культивируют своё исходное «национальное чувство» и специфические особенности своего народа, а то и создают своего рода субкультуры (например, «*bandas latinas*», т. е. «латиноамериканские банды» – очень своеобразные объединения иммигрантской молодёжи, активно заявившие о себе в последние годы на улицах испанских городов). К тому же социальный статус иммигрантов (включая иберо-американцев), как правило, соответствует низшим ступеням испанского общества, и хотя многие из этих людей у себя на родине получили хорошее образование и престижные профессии, здесь никто не намерен считаться с этим, что является для приезжих источником постоянного психологического дискомфорта и ведёт к ещё большему их отчуждению от «коренных» испанцев.

С другой стороны, и само испанское общество, взявшее курс на усвоение норм «ведущих» западноевропейских государств и всестороннее сближение с ними, теряет прежнее ощущение особой близости с другими частями «испанского мира», находящимися вне Европы. В фиксируемом в Испании (и общем для всех стран Западной Европы) в последние годы ухудшении отношения «коренных» жителей ко *всем* иммигрантам латиноамериканцы не составляют исключения. В ряде случаев отторжение «трудовых» мигрантов иберо-американского происхождения доходит до призывов изгнать их из страны на том основании, что это «чужаки», пусть и говорящие на том же языке, что и хозяева⁶³.

Эксперты отмечают, что в местных СМИ, во многом определяющих тональность взаимоотношений между испанцами и приезжими, часто наблюдается стремление не столько сглаживать возникающие трения и противоречия, сколько, напротив, подчёркивать их, делать акцент на преступлениях, конфликтах и иных событиях негативного ряда⁶⁴.

Испанские эксперты жалуются на неспособность властей и общества предвидеть появление конкретных проблем, связанных с массовой иммиграцией, и успеть подготовиться к их оптимальному решению⁶⁵. Так, есть серьёзные опасения, что время, которое могло бы быть посвящено изучению феномена «второго поколения» иммигрантов и выработке адекватной политики по отношению к нему,

неосмотрительно упущено, тогда как уже сейчас об этой многочисленной группе здесь говорят как о «коллективном беспокойном субъекте». Дети иммигрантов значительно реже, чем автохтоны, продолжают обучение после обязательного начального курса, они раньше выходят на рынок труда, преимущественно в качестве работников низкой квалификации. Совокупным действием целого ряда системных факторов эти люди буквально подталкиваются к вхождению в низшие слои испанского социума, а между тем у всех на памяти события во Франции осени 2005 г.⁶⁶

О том, как выглядит «иммиграционная проблематика» в Испании с точки зрения исследующих её испанских учёных, можно судить по темам, которые обсуждались на недавно состоявшемся там специальном научном конгрессе. Предметом внимания участников стали: демографические процессы, связанные с иммиграцией; проблемы и трудности межкультурных контактов; возникновение «многокультурных гетто»; роль общественных институтов в связи с массовой иммиграцией; процессы, связанные с изменением самосознания; надежды и намерения иммигрантов; восприятие приезжих местными жителями; роль СМИ; социально-юридический статус иммигрантов; типы иммиграционной политики; условия жизни и труда иммигрантов; смешанные браки; межпоколенные отношения, изменения в сфере семейной жизни иммигрантов; незаконная иммиграция; положение женщин-иммигранток⁶⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См., например: Chronologie: histoire de l'immigration en dates // www.viepublique.fr/politique-immigration.
2. www.insee.fr/fr/themes/document
3. Chronologie: histoire de l'immigration en dates // www.vie-publique.fr/politique-immigration.
4. Подробнее об этом см.: Любарт М.К. Арабы-мигранты в современной Франции // *Меняющаяся Европа. Проблемы этнокультурного взаимодействия*. М., 2006. С. 242–246.
5. Данные на 2000 г. взяты из: *www.OECD.Profiles statistiques par pays*. 2008.
6. Discours de Brice Hortefeux lors de la remise des Prix de l'intégration et du codéveloppement // www.immigration.Gouv.fr:sommaire
7. См., напр.: Noiriol G. Atlas de l'immigration en France. P., 2002. P. 43; Tribalat M. Une estimation des populations d'origine étrangère en France en 1999 // *Population*. 2004. № 1.
8. Discours de Brice Hortefeux lors de la remise des Prix de l'intégration et du codéveloppement // www.immigration.Gouv.fr:sommaire.
9. www.insee.fr/fr/themes/document.
10. Schnapper D. L'idée de République. La logique de la nation // *Cahiers française, janvier-février 2007*. № 336. P. 26.
11. Цит. по: Деминцева Е. Указ. соч. С. 17.
12. См: Chronologie: histoire de l'immigration en dates // www.vie-publique.fr/politique-immigration, а также: Khellil M. L'intégration des maghrébins en France. P., 1991. P. 42.

- ¹³ Discours de Brice Hortefeux au Forum de Paris-Euroméditerranée // www.immigration.Gouv.fr:sommaire.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Immigration, identité, développement: 3 missions «troitement liées» // www.immigration.Gouv.fr:sommaire
- ¹⁶ Regards sur l'actualité. № 300. Avril 2004. P. 93.
- ¹⁷ Официальное сообщение. Речь Президента Республики господина Жака Ширака о светскости как основополагающем принципе Республики. (Елисейский дворец, среда, 17 декабря 2003 г.)
- ¹⁸ Discours de Brice Hortefeux a la presse // www.immigration.Gouv.fr:sommaire.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Coroller C. Immigration choisie: les quotas Sarkozy // *Liberation*. 29 octobre. 2007.
- ²¹ Discours de Brice Hortefeux a la presse.
- ²² Coroller C. Immigration choisie.
- ²³ Discours de Brice Hortefeux a la presse // www.immigration.Gouv.fr:sommaire.
- ²⁴ Discours de Brice Hortefeux lors de la XVIe Conférence des ambassadeurs // www.immigration.Gouv.fr:sommaire.
- ²⁵ Discours de Brice Hortefeux au Forum de Paris-Euroméditerranée // www.immigration.Gouv.fr:sommaire. Php.
- ²⁶ Цит. по: Discours de Brice Hortefeux à la presse.
- ²⁷ Discours de Brice Hortefeux lors de la remise des Prix de l'intégration et du codéveloppement // www.immigration.Gouv.fr:sommaire.
- ²⁸ Discours de Brice Hortefeux lors de l'université d'été du MEDEF sur le thème «Quand l'Afrique s'veille» // www.immigration.Gouv.fr:sommaire
- ²⁹ Ibid; Discours de Brice Hortefeux au Forum de Paris-Euroméditerranée // www.immigration.Gouv.fr:sommaire.
- ³⁰ См., напр.: *Guillemin F.* Ces travailleuses invitées a rester sans papier // *Liberation*. 14 juin. 2008.
- ³¹ Coroller C. Immigration choisie: les quotas Sarkozy // *Liberation*. 29 octobre. 2007; Discours de Brice Hortefeux a la presse.
- ³² Sans-papiers: les eurodéputés adoptent la «directive retour» // *Liberation*. 18 juill. 2008.
- ³³ Immigration, identité, développement: 3 missions «troitement liées» // www.immigration.Gouv.fr:sommaire.
- ³⁴ *Setton Ph.* Les enjeux de la présidence française du Conseil de l'Union européenne en matière migratoire // *Regards sur l'actualité*. P., № 340. P. 31.
- ³⁵ *Rodriguez-Garcia D., San Roman Espinosa T.* Inmigración, salud y gestión de la diversidad: presentación y avances preliminares de un proyecto en barrios de Cataluña // *Asociación de Antropólogos Ibero-americanos en Red (AIBR)*. V. 2. № 3. Sept.-dic. 2007. P. 502–509; <http://es.wikipedia.org>.
- ³⁶ Ibid. P. 502–509; <http://es.wikipedia.org>.
- ³⁷ *Soriano G. Iltica J.P.* Adaptación social de los pandillas juveniles latinoamericanas en España // *Rev. Cidob d'Afers Internacionals*. № 81. Marzo/abril. 2008 // www.revistas-culturales.com
- ³⁸ <http://es.wikipedia.org>.
- ³⁹ *Relano Pastor E.* Los continuos cambios de la política de inmigración en España // *Migraciones Internacionales*. Enero-julio. № 3, 2004. P. 111.
- ⁴⁰ *Хенкин С.М.* Мусульмане в Испании: проблемы адаптации // *Мировая экономика и междунар. отношения*. 2008. № 3. С. 49–50.
- ⁴¹ *López Sala A.M.* La política española de inmigración en las dos últimas décadas.
- ⁴² *Relano Pastor E.* Op. cit. P. 112; *Хенкин С.М.* Указ. соч.
- ⁴³ Inmigración y creación de ciudadanía // *Gazeta de Antropología*. № 16. 2000 // <http://www.ugr.es/~pwlac/G24>.
- ⁴⁴ *Relano Pastor E.* Op. cit.; es.wikipedia.org/wiki/viii_Legislatura_de_Esp...
- ⁴⁵ *El País*. 6.10.2005.
- ⁴⁶ *Хенкин С.М.* Указ. соч.
- ⁴⁷ *Vicente Torrado T.L.* La inmigración latinoamericana en España // *Expert Group Meeting on International Migration and Development in Latin America and the Caribbean*. Department of Economic and Social Affairs. United Nations Secretariat. 2006 // www.org/esa/population/meetings/IttMigLAC
- ⁴⁸ Привечать или выдворять? Новые правила Евросоюза и проблемы иммиграции в Испании // www.svobodanews.ru/content/transcript/.
- ⁴⁹ *Jordi Roca Girona.* Migrantes por amor. La búsqueda y formación de parejas transna-

- cionales // AIBR. Vol. 2. № 3. Sept.–dic. 2007. P. 449.
- ⁵⁰ Inmigración y creación de ciudadanía.
- ⁵¹ Solana Ruiz J.L. Inmigración, hostilidades racistas y propuestas de hospitalidad // *Gazeta de Antropología*. № 17. 2001 // <http://www.ugr.es/~pwlac/G24>.
- ⁵² *Пеpec-Певерме А.* Корсарский патент. М., 2005. С. 451.
- ⁵³ Manifiesto a favor de los inmigrantes (editorial) // *Gazeta de Antropología*. № 17 (2001); Solana Ruiz J.L. Op. cit.
- ⁵⁴ Manifiesto a favor de los inmigrantes.
- ⁵⁵ La inmigración en España // *Temas para el Debate*. № 136. Marzo 2006 // www.revistas-culturales.com.
- ⁵⁶ *Пеpec-Певерме А.* Указ. соч. С. 68, 138.
- ⁵⁷ Solana Ruiz J.L. Op. cit.
- ⁵⁸ La inmigración en España.
- ⁵⁹ Привечать или выдворять? Новые правила Евросоюза.
- ⁶⁰ Хенкин С.М. Указ. соч. С. 56–57.
- ⁶¹ Escobar Stemmann J.J. Activismo islámico en España // *Política Exterior*. № 124. Junio/agosto. 2008 // www.revistas-culturales.com.
- ⁶² *Пеpec-Певерме А.* Указ. соч. С. 139.
- ⁶³ Rodríguez Regueira J.L. Hacia una lectura nómada, o de corporeidad informativa // *Gazeta de Antropología*. № 19. 2003 // <http://www.ugr.es/~pwlac/G24>.
- ⁶⁴ Inmigración: prioridades para una nueva política española // *Informes Elcano*. № 1. Dic. 2004. P. 48.
- ⁶⁵ Rodríguez-García D., San Román Espinosa T. Op. cit. P. 503.
- ⁶⁶ Moncusi Ferré A. «Segundas generaciones». La inmigración como condición hereditaria? // AIBR. Vol. 2. № 3. Sept.–dic. 2007. P. 466.
- ⁶⁷ Abt A., Brigidi S. V Congreso sobre la inmigración en España «Migraciones y desarrollo humano». Valencia. 21–24 marzo. 2007. P. 573–574.

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32 а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-58-79
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-495) 938-06-00

Александр Николаевич Кожановский – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Область научных интересов – этнология и история народов Испании, Латинской Америки, России и «ближнего зарубежья». Автор более 60 научных работ, среди которых книги: «Народы Испании во второй половине XX века (опыт автономизации и национального развития)» (М., 1993) и «Быть испанцем. Традиция. Самосознание. Историческая память» (М., 2006).

Маргарита Любарт – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Сфера ее научных интересов – этнология Франции, история и этнология семьи, проблемы этнических меньшинств, иммиграции в Европе. Она является автором около 50 научных публикаций, среди которых монография "Семья во французском обществе. XVIII – начало XX в." (Москва, Наука, 2005).

Alexandr Kozhanovsky – Cand. Sc. (History), senior researcher of the Institute for Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences, the Center for European and American Studies. His research interests are ethnology and history of peoples in Spain, Latin America, Russia and States of the former Soviet Union. A. Kozhanovsky is the author of more then 60 papers including such books as: "Peoples of Spain in the second half of the XX century (the experience of autonomization and national development)" (Moscow, 1993) and "To be the Spanish. Tradition. Self-consciousness. Historical mind" (Moscow, 2006).

Margarita Lyubart – Cand. Sc. (History), senior researcher of the Institute for Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences, the Center for European and American Studies. The main fields of her research are the ethnology of France, history of family, the problems of ethnic minorities and migrants in Europe. She is the author of about 50 publications including the book "Family in French society: From the 18th till the beginning of the 20th century" (Moscow, 2005).